



Неожиданное письмо

Нью-Йорк, февраль 1873 г.

В театр приходит немало писем на имя чародея Просперо, однако конверт, содержащий посмертную записку, да к тому же аккуратно пришпиленный к воротнику пальто пятилетней девочки, он получает впервые. Поверенный, в сопровождении которого она появляется на пороге театра, отказывается давать какие-либо объяснения. В ответ на протесты директора он лишь пожимает плечами и поспешно уходит, в знак прощания дотронувшись до шляпы.

Даже не читая имени адресата на конверте, директор сразу понимает, к кому пришла девочка. Ее глаза, сверкающие из-под копны непослушных кудряшек, — уменьшенная копия глаз самого волшебника.

Когда он берет ее за руку, маленькие пальчики безвольно ложатся в его ладонь. В театре тепло, но девочка не хочет снимать пальто и лишь упрямо трясет головой, когда он спрашивает о причинах ее отказа.

Не зная, что еще он может для нее сделать, директор приводит ее к себе в кабинет. Она садится и замирает на неудобном стуле возле стены, увешанной старыми афишами, в окружении коробок с чеками и билетами. Директор приносит чай с дополнительным кусочком сахара, но он, нетронутый, так и остывает на столе.

Девочка не двигается, не ерзает на стуле. Она сидит не шелохнувшись, со сложенными на коленях руками. Ее взгляд устремлен вниз, на собственные ботинки, самую малость не достающие до пола. Один носок слегка поцарапан, шнурки завязаны аккуратными бантиками.

Запечатанный конверт так и висит на ее пальто вровень со второй пуговицей сверху, когда появляется Просперо.

Еще до того как дверь распахивается, она слышит его тяжелые шаги в коридоре, столь непохожие на размеренную поступь директора, который уже несколько раз ненадолго входил в комнату — тихо, словно кошка.

— Сэр, вас ожидает... гм... посылка, — говорит директор, открывая дверь, чтобы впустить его в тесный кабинет, и убегает под предлогом разнообразных дел, касающихся театра, не испытывая ни малейшего желания быть свидетелем того, что может сулить предстоящая встреча.

Волшебник окидывает взглядом помещение. В его руке зажата пачка писем, с плеч струится черный бархатный плащ, отороченный белоснежным шелком. Он ожидает увидеть бумажную бандероль или почтовую коробку, и лишь после того, как девочка поднимает на него глаза, как две капли воды похожие на его собственные, он понимает, что имел в виду директор.

Первая реакция чародея Просперо на встречу с дочерью выражается в коротком восклицании: “Вот черт!”

Девочка вновь опускает глаза на ботинки.

Волшебник закрывает за собой дверь и, бросив пачку писем на стол возле нетронутого чая, окидывает девочку внимательным взглядом.

Пришпиленный к ее пальто конверт он срывает, не расколлов булавки.

На конверте указан его сценический псевдоним и адрес театра, однако письмо, найденное внутри, начинается обращением по имени, данному ему при рождении: Гектор Боуэн.

Он пробегает глазами письмо. Его лицо остается совершенно непроницаемым, окончательно и бесповоротно разрушив надежды автора на хоть какое-то проявление эмоций.

Существенным ему кажется только одно: эта девочка — его родная дочь, ее зовут Селия, и теперь она находится на его попечении.

— Ей нужно было назвать тебя Мирандой, — усмехнувшись, обращается чародей Просперо к девочке. — Но, полагаю, у нее не хватило ума додуматься до этого.

Девочка бросает на него короткий взгляд. Темные глаза под кудрявой челкой угрожающе сужаются.

Чашка на столе начинает дрожать. Ее гладкая поверхность покрывается паутиной трещин, а затем распадается брызгами разноцветного фарфора. Остывший чай переливается через края блюда и стекает на пол, оставляя липкую дорожку на полированной столешнице.

Усмешка исчезает с лица волшебника. Оглянувшись на стол, он сердито хмурит брови, и разлитый чай начинает течь в обратном направлении. Разбитые кусочки собираются воедино, и вот чашка снова стоит на столе, целая и невредимая, а над ней клубится облачко пара.

Девочка во все глаза таращится на нее.

Рукой, затаенной в перчатку, Гектор Боуэн берет дочь за подбородок и пару секунд смотрит на нее внимательным взглядом. Когда он ее отпускает, на щеках остаются длинные красные следы.

— А ты непростая штучка, — говорит он.

Девочка оставляет его замечание без ответа.

В течение последующих недель он предпринимает ряд попыток дать ей новое имя, но она отзывается только на Селию.

Несколько месяцев спустя, когда волшебнику кажется, что она уже готова, он в свою очередь тоже пишет письмо. Адреса на конверте нет, но тем не менее оно благополучно находит своего заокеанского адресата.



Джентльменское пари

Лондон, октябрь 1873 г.

В этот вечер дается заключительное представление в рамках весьма коротких гастролей. Волшебник Просперо, уже долгое время не баловавший Лондон своими выступлениями, приехал всего на одну неделю, ограничившись только вечерними сеансами.

Несмотря на заоблачные цены, билеты разлетелись в считанные часы, и теперь театр полон. Вооруженные веерами дамы обмахивают декольте в попытках разогнать спертый горячий воздух, повисший в зале вопреки осенней прохладе за стенами театра.

В какой-то момент представления все веера внезапно превращаются в маленьких птичек, их пестрая стая взлетает к потолку, и театр взрывается громом оглушительных аплодисментов. Потом птицы возвращаются, и на коленях каждой из дам вновь оказывается ее веер. Аплодисменты вспыхивают с новой силой, хотя часть зрителей поражены до такой степени, что не в состоянии хлопать. Они крутят веера в руках и удивленно разглядывают перья, внезапно забыв о мучившей их жаре.

Человек в сером костюме, сидящий в ложе слева от сцены, за весь вечер не зааплодировал ни разу, ни единому фокусу. На протяжении всего представления его внимательный взгляд прикован к артисту на сцене. Он не поднимает сложенные на коленях руки, чтобы похлопать. Даже когда весь зал взрывается бурными овациями и вздохами восхищения, он и бровью не ведет.

По завершении представления мужчина в сером костюме легко прокладывает себе путь через толпу в вестибюле театра. Незамеченным он проскальзывает в дверь, скрытую за портьерой, и направляется к гримеркам. Ни гардеробщики, ни рабочие сцены не обращают на него ни малейшего внимания.

Остановившись перед дверью в конце коридора, он стучится в нее серебряным набалдашником своей трости.

Дверь распахивается сама собой, открывая его глазам загроможденную театральным скарбом гримерку с зеркальными стенами, в которых с разных ракурсов отражается Просперо.

Он предстает перед гостем в кружевной рубашке и расстегнутой жилетке; фрак небрежно брошен на кресло. Цилиндр, с которым он не расставался на протяжении всего представления, покоится на подставке в углу.

Теперь он кажется старше, чем на сцене, где его возраст скрывало сияние софитов и слой грима. Лицо, отражающееся в зеркалах, испещрено морщинами, волосы изрядно тронуты сединой. Но в улыбке, озаряющей его лицо при виде гостя, стоящего в дверях, есть что-то мальчишеское.

Не оборачиваясь, он обращается к отражению серого, словно призрак, визитера:

— Тебе ужасно не понравилось, верно?

Носовым платком — некогда, вероятно, белым — он снимает с лица толстый слой грима.

— Я тоже рад встрече с тобой, Гектор, — произносит человек в сером костюме, тихо закрывая за собой дверь.

— Тебе было противно, точно говорю, — усмехается Гектор Боуэн. — Я наблюдал за тобой, так что можешь не отпираться.

Обернувшись, он протягивает мужчине в сером руку, но тот делает вид, что не замечает. В ответ на это Гектор лишь пожимает плечами и театрально щелкает пальцами в сторону противоположной стены. Обитое бархатом кресло, стоявшее в углу среди груды чемоданов и вороха галстуков, скользит в их направлении; брошенный фрак тенью поднимается с него, чтобы послушно повиснуть в шкафу.

— Прошу садиться, — приглашает Гектор. — Хотя, боюсь, в ложе кресла поудобнее.

— Не могу сказать, что я одобряю подобные представления, — заявляет человек в сером костюме, снимая перчатки и стряхивая пыль с кресла, прежде чем опуститься в него. — Выдаешь истинную магию за фокусы и оптический обман. Да еще берешь за это деньги.

Гектор бросает испачканный платок на стол, заставленный баночками с гримом и кистями.

— Ни одна душа в зале ни на секунду не поверит, что все, что я делал там, — он кивает в сторону сцены, — происходило на самом деле. И это прекрасно. Ты видел, какие хитроумные штуковины создают эти *волшебники*, чтобы показать самый завальщенький фокус? Горстка рыб, покрывающих себя перьями, чтобы убедить публику, что они могут взлететь, а я среди них — настоящая птица. Зритель между нами не видит разницы — с тем лишь исключением, что считает меня лучшим профессионалом, нежели все прочие.

— Это не умаляет твоего сумасбродства.

— Да они же в очередь выстраиваются, чтобы их одурачили, — возражает Гектор. — Просто мне это сделать легче, чем любому другому. Грешно упускать такую возможность. Кстати, я зарабатываю на этом куда больше, чем ты можешь себе представить. Предложить тебе выпить? Здесь где-то было припрятано несколько бутылочек, а вот насчет бокалов не уверен.

Он шарит по столу, отодвигая в сторону кипу газет и пустую птичью клетку.

— Нет, благодарю, — качает головой человек в сером костюме, подаваясь вперед и опираясь руками на набалдашник трости. — Твое представление показалось мне забавным, а вот реакция зала слегка озадачила. Ты был весьма небрежен.

— Не могу же я быть слишком хорош! Мне все-таки нужно, чтобы они думали, что я такой же шарлатан, как все остальные, — усмехается в ответ Гектор. — Спасибо, что пришел и выдержал до конца. Я уже и не ждал, что ты появишься. Начал терять надежду. Эта коробка дожидается тебя целую неделю.

— Я редко отказываюсь от приглашений. Ты писал, что у тебя ко мне дело.

— Так и есть! — энергично хлопает в ладоши Гектор. — Я надеялся, что ты согласишься на партию. Мы давненько не играли. Однако сперва хочу познакомить тебя с моим новым учеником.

— Я думал, ты больше не преподаешь.

— Так и было, но тут особенный случай. Я не смог устоять.

Гектор подходит к двери, которую почти полностью заслоняет высокое зеркало.

— Селия, дорогая! — кричит он в дверной проем и возвращается в кресло.

Спустя мгновение в дверях появляется маленькая девочка. На фоне обшарпанной и неприбранной гримерки ее платье, пестрящее кружевами и бантами, кажется вызывающе нарядным. Она словно кукла, только что сошедшая с витрины магазина, и даже несколькими непослушным кудряшкам, выбившимся из прически, не под силу разрушить это впечатление. Заметив, что отец не один, она растерянно замирает на пороге.

— Все в порядке, дорогая. Входи, входи же! — Гектор жестом приглашает ее подойти поближе. — Это мой коллега, ты не должна смущаться.

Она делает несколько шагов и приседает в безупречном реверансе, кружевные оборки платья с шорохом ложатся на истертый паркет.

— Это Селия, моя дочь, — обращается Гектор к человеку в сером костюме, по-отечески опустив руку на голову девочки. — Селия, это Александр.

— Приятно познакомиться.

Хотя она произносит эти слова почти шепотом, тембр ее голоса оказывается на удивление низким для ребенка ее возраста.

Мужчина в сером костюме вежливо кивает в ответ.

— Я хочу, чтобы ты продемонстрировала этому джентльмену свои умения, — говорит Гектор.

Запустив руку в карман жилета, он вынимает серебряные часы на длинной цепочке и кладет на стол.

— Давай.

Глаза девочки округляются.

— Ты просил не делать этого при посторонних, — говорит она. — Ты взял с меня слово.

— Этот человек не посторонний, — усмехается Гектор.

— Ты говорил, никаких исключений, — упорствует Селия.

Ухмылка отца тает. Взяв дочь за плечи, он впивается в нее тяжелым взглядом.

— Это совершенно особенный случай, — говорит он. — Будь так добра, покажи ему все, что ты умеешь. Как на уроке.

Гектор подталкивает девочку к столу, на котором лежат часы.

Кивнув, она переводит взгляд на часы; ее руки сложены за спиной.

Спустя мгновение часы начинают медленно крутиться, опираясь на столешнице круги. Цепочка тянется следом, скручиваясь в спираль.

Наконец часы поднимаются с поверхности стола и повисают в воздухе, покачиваясь, как на волнах.

Гектор оборачивается к мужчине в сером костюме, ожидая его реакции.

— Впечатляет, — говорит тот. — Впрочем, это совсем азы.

Глаза Селии темнеют под внезапно нахмурившимися бровями. Часы рассыпаются, пронзая воздух разлетающимися шестеренками.

— Селия, — одергивает ее Гектор.

Уловив упрек в его голосе, она заливается краской и сбивчиво просит прощения. Шестеренки устремляются обратно, собираясь в единый механизм, и вот уже стрелки часов отщелкивают секунды как прежде, словно ничего и не было.

— А вот это уже посерьезнее, — вынужден признать человек в сером костюме. — Однако она вспльчива.

— Она еще ребенок, — Гектор треплет Селию по голове, делая вид, что не замечает ее нахмуренных бровей. — Еще и года учебы не прошло, а она уже способна на такое. Когда вырастет, ей не будет равных.

— Я могу любого ребенка с улицы научить подобным вещам. А что касается ее превосходства, так это сугубо твоя точка зрения, и ее легко опровергнуть.

— Ага! — восклицает Гектор. — Так ты, стало быть, согласен поиграть!

После секундного раздумья человек в сером костюме кивает.

— Если это будет сложнее, чем в прошлый раз, я, возможно, заинтересуюсь, — говорит он. — Возможно.

— Конечно, сложнее! — кивает Гектор. — За меня будет играть прирожденный талант. Я не стану растрачиваться на пустяки.

— Талант еще нужно доказать. Способности у нее есть, но настоящий дар встречается крайне редко.

- В ее жилах течет моя кровь. Конечно, у нее есть дар!
- Ты сам сказал, что давал ей уроки, — возражает человек в сером костюме. — Откуда же в тебе уверенность, что это именно дар?
- Селия, когда ты приступила к занятиям? — спрашивает Гектор, даже не обернувшись в ее сторону.
- В марте, — отвечает она.
- Какого года, дорогая? — просит уточнить Гектор.
- Этого года, — говорит она, всем своим видом показывая, что считает вопрос невероятно глупым.
- Восемь месяцев занятий, — подытоживает Гектор. — Шестилетний ребенок. Если я не забыл, ты предпочитаешь брать учеников именно этого возраста или даже чуть младше. Совершенно очевидно, что, не будь у Селии врожденного дара, ей не удалось бы столь быстро достичь таких успехов. Она смогла поднять часы в воздух с первой же попытки.
- Человек в сером костюме переводит взгляд на девочку.
- Ты сломала их не намеренно, верно? — спрашивает он, указывая на лежащие на столе часы. По лицу Селии пробегает тень, но она едва заметно кивает головой.
- Для столь юного создания ее способности поразительно развиты, — обращается он к Гектору. — Однако подобная вспыльчивость — неприятный фактор. Она может стать причиной необдуманных поступков.
- Она либо перерастет ее, либо научится контролировать. Не вижу в этом большой проблемы.
- Продолжая разговаривать с Гектором, человек в сером костюме пристально смотрит на девочку. Селия слышит звуки, но они никак не складываются в слова. По ее лицу пробегает тень, когда она понимает, что ответов отца ей тоже не разобрать.
- И ты рискнешь собственным ребенком?
- Она не проиграет, — заявляет Гектор. — Так что советую тебе подыскать ученика, утрату которого ты сумеешь пережить, если ты еще не успел обзавестись таковым.
- Полагаю, у ее матери нет права голоса в данном вопросе?
- Совершенно верно.

Человек в сером костюме некоторое время молча разглядывает ребенка, прежде чем продолжить разговор. Селия по-прежнему не может разобрать ни слова.

— Мне понятна твоя уверенность в ее способностях, однако я советую тебе хотя бы задуматься о возможности потерять Селию в случае поражения. Потому что я собираюсь найти для нее достойного соперника. В противном случае мне нет смысла соглашаться на эту партию. У тебя нет гарантий ее победы.

— Я готов рискнуть, — говорит Гектор, даже мельком не взглянув на дочь. — Если хочешь оформить все официально прямо сейчас, давай.

Человек в сером костюме бросает взгляд на Селию, и на сей раз, когда он отвечает Гектору, она уже понимает слова.

— Согласен, — говорит он, утвердительно кивнув головой.

— Он сделал так, что я не могла понять, что вы говорите, — шепчет Селия отцу, когда он наконец оборачивается в ее сторону.

— Я знаю, дорогая, и это было не слишком-то вежливо, — с этими словами Гектор подводит Селию к гостю, и тот впивается в нее своими пронзительными глазами, почти такими же светлыми и серыми, как его костюм.

— Ты всегда умела делать подобные вещи? — спрашивает он, указывая взглядом на часы.

Селия кивает.

— Моя... моя мама говорила, что я сатанинское отродье, — тихо добавляет она.

Слегка подавшись вперед, человек в сером костюме что-то шепчет ей на ухо, так, чтобы отец не слышал. Детское личико озаряет робкая улыбка.

— Протяни правую руку, — говорит он, снова откидываясь назад. Селия с готовностью протягивает руку ладонью вверх, не зная, чего ждать. Однако человек в сером костюме ничего не кладет в раскрытую ладонь. Вместо этого он поворачивает ее вверх тыльной стороной и снимает со своего мизинца серебряное кольцо. Одной рукой держа Селию за запястье, другой он надевает девочке кольцо на безымянный палец — оно явно ей слишком велико.